

Клиффорд Д. САЙМАК

ШТУКОВИНА

Фантастический рассказ

Он набрел на эту штуковину в зарослях ежевики, когда искал отбившихся коров. Темнота уже сеялась сквозь кроны высоких тополей, и он не смог хорошенько все разглядеть. Да, собственно, на разглядывание и времени-то не было: дядя Эйб ужасно злился, что потерялись две телки, и если их искать слишком долго, то порки наверняка не миновать. И без того ему пришлось отправиться на поиски без ужина, потому как он забыл сходить к роднику за водой. Да и тетя Эм весь день ругала его за то, что он медленно и небрежно полонил огород.

— В жизни не видала такого никчемного мальчишки! — визгливо начинала она и потом заводила про то, что, как ей думается, он должен бы век им с дядей Эйбом руки целовать,

раз они взяли его из сиротского приюта, но нет ведь — он ни на вот столько не испытывает благодарности, зато каждую минуту того и жди от него какой-нибудь шкоды, на это он мастер, а ленив — спасу нет, и она — вот как перед богом! — и помыслить боится, что же из него в конце концов выйдет.

Телок он нашел в дальнем конце пастбища возле поросли орешника и опять, в который уже раз, задумался — а не удрать ли из дому, да только знал, что никогда ему на такое не решиться, потому что идти некуда. Хотя, сказал он себе, наверно, в любом другом месте будет лучше, чем оставаться с тетей Эм и дядей Эйбом, которые на самом-то деле даже и не были ему настоящими дядей и тетей, а просто взяли его из приюта.

Когда, гоня перед собой телок, он вошел в коровник, дядя Эйб кончал дойку и все еще злился, что эти телки отбились от стада.

— Вот и выходит, — сказал дядя Эйб, — что из-за тебя, паршивца, мне пришлось доить за двоих, а все потому, что ты не пересчитал коров, как я тебе вечно твержу, недоумок. Так что давай-ка выдои этих двух, которых ты пригнал, это тебе будет уроком.

Поэтому Джонни взял свою трехногую табуретку и подоинок и принялся за дело. Телок доить — руки отматаешь, да и хлопотно, потому что они баловницы, и красная телка, к примеру, лягнулась и сбросила Джонни с табуретки прямо в сток, подоинок перевернулся, и молоко разлилось.

Дядя Эйб, как увидел это, снял из-за двери ремень и врезал Джонни пару раз, чтоб была ему наука впредь быть осторожнее, поскольку молоко — оно денежек стоит. А после этого велел поскорей заканчивать дойку.

Потом они пошли домой, и по пути дядя Эйб все брюзжал, что от ребятишек больше беспокойства, чем пользы, а в дверях их встретила тетя Эм и приказала Джонни получше вымыть ноги перед сном, потому как ей вовсе не улыбается, чтобы он изгваздал ее чистые белые простыни.

— Тетя Эм, мне есть хочется, — сказал Джонни.

— Не дам, — отрезала она, сурово сжав губы. — Походишь голодным, у тебя и с памятью лучше станет.

— Ну хоть кусочек хлеба, — попросил Джонни. — Без ма-сла, без всего — просто кусочек хлеба...

— Молодой человек, — вмешался дядя Эйб, — ты слышал, что сказала твоя тетя. Мой ноги и марш в постель!

— Да чтоб как следует вымыл! — добавила тетя Эм.

Ну, он так и сделал, и улегся, и уже в постели вспомнил про ту штуковину в зарослях ежевики, и еще вспомнил, что он никому не заикнулся о находке, потому что у него времени на это не было — дядя Эйб и тетя Эм то и дело шпыняют, да так, что и не вспомнишь ни о чем.

И тут он сразу и бесповоротно решил ни за какие коврижки не рассказывать им о своей находке, потому что они враз ее отберут, они всегда все у него отбирают. А не отберут, так что-нибудь сделают такое, что не будет ему от этой штуковины ни радости, ни удовольствия.

Единственное, что принадлежало ему безраздельно, был ста-

рый перочинный ножик с обломанным маленьким лезвием. И больше всего на свете он хотел бы иметь взамен этого другой ножик, только целый, но теперь ему и в голову не приходило попросить об этом — он хорошо знал, чем это кончится. Однажды он уже заикнулся было, и тогда дядя Эйб и тетя Эм пилили его несколько дней, твердя, что он неблагодарная жадина, что вот они, можно сказать, с улицы его подняли, а ему все мало, и теперь вот еще взбрело, чтобы они выкинули немалые деньги на какой-то там перочинный нож... Джонни долго волновался и недоумевал насчет того, что они подняли его с улицы — насколько ему было известно, никогда он ни на какой улице не валялся.

Лежа в постели и глядя в окошко на звезды, он принялся вспоминать, что же это такое привиделось ему в зарослях ежевики, но никак не мог представить себе хорошенько, что именно, потому что второпях не разглядел, а задержаться подольше времени не было. Но что-то там было не так, и чем больше он об этом думал, тем сильнее ему хотелось рассмотреть эту штуковину поосновательнее.

«Завтра, — подумал он, — я посмотрю как следует. Завтра — как только выпадет случай». Но потом он понял, что никакого такого случая завтра не представится, потому что с самого утра тетя Эм заставит его полоть огород и все время будет за ним следить, и улизнуть не удастся.

Он еще немного подумал обо всем этом, и ему стало ясно, что, коли он хочет узнать, что же там такое, то идти туда надо нынче же ночью.

По доносившемуся храпу он знал, что дядя Эйб и тетя Эм спят, поэтому встал с постели, быстро натянул рубашку и штаны и крадучись спустился по лестнице, осторожно переступая через скрипучие ступеньки. На кухне он взобрался на стул, чтобы достать коробок спичек с заплечика старой печки. Сначала он взял было из коробка целую пригоршню, но потом передумал и почти все положил обратно, оставив себе штук пять, — боялся, что тетя Эм заметит, если он заберет слишком много.

От росы трава была мокрая и холодная, и ему пришлось закатать штанины, чтобы не промочить их, и после этого он наискосок через пастбище направился к лесу.

Идти лесом было страшно, — там, говорят, водились привидения, — но он не очень боялся, хотя, наверное, никто не смог бы идти по ночному лесу и не трусить ни капельки.

В конце концов он добрался до зарослей ежевики и остановился в раздумье, как бы пробраться через кусты, не издавая в темноте одежды и не занозив голые ноги колючками. И все гадал, лежит ли на месте та штуковина, но почти сразу понял, что она еще здесь, ощутив вдруг исходящее от нее тепло дружелюбия, как будто она ему говорила, что — да, она еще здесь и бояться не надо.

Ему уже и не было страшно — просто он немного волновался, потому что не привык к дружелюбию. У него был единственный приятель — Бенни Смит, мальчик его же возраста, но с ним он виделся только в школе, да и то не каждый день, потому что Бенни часто болел и порой целыми неделями оставался дома. А во время каникул они вообще не встречались,

поскольку Бенни жил на другом конце школьного округа.

Глаза помаленьку привыкали к темноте зарослей, и ему поверилось, что он уже может различить еще более темные очертания штуковины — вон там, чуть подальше. Он стал соображать, как же это от нее может исходить дружелюбие, ведь он был совершенно убежден, что перед ним просто какая-то железная вещь, вроде тачки или силосопогрузчика, а совсем не что-то живое. Если бы он подумал, что она живая, вот тогда бы испугался по-настоящему.

Штуковина по-прежнему продолжала излучать теплую волну дружелюбия. Он протянул руки и стал сражаться с кустами, чтобы потрогать, ощупать находку и понять, что же это такое. «Подобраться бы поближе, — подумал он, — тогда можно чиркнуть спичкой и рассмотреть все как следует».

«Остановись», — сказала Дружелюбие, и он замер, услышав это слово, хотя вовсе не был уверен, что это было слово.

«Не надо нас разглядывать», — сказала Дружелюбие, и Джонни это несколько удивило, потому что он ни на что еще и не смотрел — во всяком случае, не разглядывал.

— Ладно, — сказал он. — Я не стану на вас смотреть. — И подумал про себя, что, может, это какая-то игра, вроде тех, в которые они играли в школе — прятки, например.

«Когда мы подружимся, — сказала штуковина, обращаясь к Джонни, — то сможем глядеть друг на друга, и тогда уже наша внешность не будет иметь значения, поскольку нам станет известно, что каждый из нас представляет собой внутренне, и мы не станем обращать внимания на внешность».

Джонни подумал: «Как ужасно, должно быть, они выглядят, если не хотят, чтобы я их видел». И штуковина тотчас сказала ему: «На твой взгляд мы ужасно уродливы. А ты нам тоже кажешься уродом».

— Тогда, может, это и хорошо, что я не вижу в темноте, — сказал Джонни.

«Ты не видишь в темноте?» — спросили его, и Джонни подтвердил, что так оно и есть, и последовало молчание, хотя Джонни чувствовал, что они — там — удивляются: как это можно — не видеть в темноте.

Затем его спросили, в состоянии ли он сделать еще что-то такое... Что именно, он и догадаться не мог, хотя ему и пытались втолковать. В конце концов они, похоже, сообразили, что ничего такого он тоже не умеет.

«Тебе страшно, — сказала штуковина. — Но ты совсем не должен нас бояться».

Джонни объяснил, что он ничуть не боится, кем бы они там ни были, потому что они относятся к нему как друзья, но только ему боязно — что будет, если дядя Эйб и тетя Эм поведают, что он потихоньку убежал из дому. И тогда они задали ему целую кучу вопросов о тете Эм и дяде Эйбе, и он честно постарался объяснить, что к чему, но они, похоже, так ничего и не поняли, во всяком случае, они почему-то решили, что он рассказывает им о своих взаимоотношениях с правительством. Он хотел было разобъяснить, как все обстоит на самом деле, но потом все же уверился, что они так ничего в толк и не взяли.

В конце концов, стараясь быть как можно вежливее, чтобы никого не обидеть, он сказал им, что ему пора, и, поскольку он задержался дольше, чем рассчитывал, всю дорогу до дома ему пришлось бежать.

Он благополучно проник в дом и забрался в постель, и все было хорошо, но наутро тетя Эм нашарила у него в кармане спички и дала ему нагоняй по первое число, внушая, что баловаться со спичками — дело страшно опасное, потому как он того и гляди спалит им коровник. Чтобы подкрепить свои рассуждения, она хлестала его по ногам хворостинкой, и как Джонни ни старался держаться мужчиной, все же ему пришлось прыгать и кричать от боли, потому как тетя Эм хлестала изо всех сил.

До позднего вечера он полон огорд, а перед сумерками отправился собирать коров.

Ему никуда не надо было сворачивать, чтобы добраться до зарослей ежевики, потому что коровы как раз здесь и паслись, но он хорошо понимал, что все равно свернул бы сюда, потому что весь день прожил воспоминанием о Дружелюбии, которое здесь нашел.

На этот раз было не так темно, вечер только-только собирался, и он мог разглядеть, что эта самая штуковина, чем бы она там ни была, совсем не живая, а просто кусок металла, похожий на две глубокие тарелки, если их сложить вместе, с острым краем посередине, и еще — вид у нее был такой, будто она долго валялась под открытым небом и потому успела поржаветь, как это всегда бывает с железом, если его мочит и мочит дождем.

Штуковина прорубила целую просеку в зарослях ежевики и еще метрах на шести пропахала в дерне глубокую борозду. А проследив взглядом направление, откуда она прилетела, Джонни увидел тополь со сломанной верхушкой, которую штуковина, наверно, снесла, ударившись о нее.

С ним снова заговорили без слов, как и вчера, дружелюбно и по-товарищески, хотя Джонни и не знал такого слова, поскольку еще ни разу не встречал его в своих школьных книжках.

«Теперь ты можешь немножко посмотреть на нас, — сказали Они. — Быстро взгляни и отведи глаза. Не смотри на нас пристально. Один взгляд — и в сторону. Так ты сможешь постепенно привыкнуть. Понемножку».

— А где вы? — спросил Джонни.

«Здесь, перед тобой», — был ответ.

— Там, внутри? — спросил Джонни.

«Да, здесь, внутри», — ответили Они.

— Тогда мне вас не увидеть, — сказал Джонни. — Я ведь не могу видеть через железо.

«Он не может видеть сквозь металлы», — сказал один из них.

«И он ничего не видит, когда их звезда уходит за горизонт», — сказал другой.

«Значит, ему на нас не посмотреть...» — сказали они оба.

— А вы могли бы выйти оттуда, — предложил Джонни.

«Мы не можем, — ответили Они. — Если мы выйдем, то умрем».

— Значит, я никогда вас не увижу...

«Ты никогда не увидишь нас, Джонни...»

И вот он стоял там, чувствуя себя ужасно одиноким, потому что ему никогда не доведется увидеть этих своих друзей.

«Мы никак не можем понять, кто ты, — сказали Они. — Объясни нам — кто ты?»

И потому что Они были так добры к нему и дружелюбны, он рассказал им о себе и как он был сиротой и был взят на воспитание дядей Эйбом и тетей Эм, которые на самом деле никакие ему не тетя и не дядя. Он не стал жаловаться, как его бьют и ругают и отсылают в постель без ужина, но Те, внутри, все это поняли сами, и теперь в их обращении к Джонни было уже что-то куда большее, чем просто дружелюбие, чем просто товарищество. Появилось еще и сочувствие, и еще что-то, что вполне могло быть их эквивалентом материнской любви.

«Да ведь это просто малыш», — говорили Они между собой.

Они тянулись к нему. Казалось, что они заключают его в нежные объятия, крепко прижимают к себе, и Джонни, сам того не заметив, упал на колени и протянул руки к этой штуковине, которая лежала среди измятых кустов, и плакал, как если бы перед ним было что-то такое, что он мог обнять и удержать, — немного ласки и тепла, которых ему всегда недоставало, что-то такое, к чему он всегда стремился и вот наконец обрел. Его сердце плакало словами, которых он не умел произнести, он умолял о чем-то застывшими губами, и ему ответили.

«Нет, Джонни, мы тебя не оставим. Мы не можем оставить тебя, Джонни».

— Правда?..

Теперь их общий голос немного печален.

«Это не просто обещание, Джонни. Наша машина сломалась, и нам ее не починить. Один из нас уже умирает, и такая же судьба скоро постигнет и другого».

Джонни стоял на коленях, и эти слова медленно проникали в его сознание. Его охватывало понимание неизбежности свершающегося, и ему казалось, что это больше, чем он может вынести — найти двоих настоящих друзей, и вот теперь они умирают...

«Джонни», — тихонько окликнули его.

— Да, — отозвался Джонни, стараясь не заплакать.

«Хочешь с нами меняться?»

— Меняться?..

«Так у нас дружат. Ты даешь нам что-нибудь, и мы тебе тоже что-нибудь подарим».

— Но у меня ничего нет... — замылся Джонни.

И сразу вспомнил. Ведь у него есть перочинный ножик! Конечно, это не бог весть что и лезвие у ножика обломано, но это было все его достояние.

«Вот и прекрасно, — сказали Они. — Это как раз то, что надо. Положи-ка его на землю, поближе к машине».

Он достал ножик из кармана и положил его рядом с машиной. И хотя он глядел во все глаза, чтобы ничего не упустить, все случилось так стремительно, что он ничего не смог раз-

обратить, но, как бы то ни было, его ножик исчез, и теперь какой-то предмет лежал на его месте.

«Спасибо тебе, Джонни, — сказали Они. — Как славно, что ты с нами поменялся».

Он протянул руку и взял вещь, которую Они подарили ему, и в сумерках она сверкнула скрытым огнем. Он повернул ее в пальцах и увидел, что это был вроде драгоценный камень — сияние исходило у него изнутри и переливалось роем разноцветных огней.

И только увидев, какой свет исходит из подарка, он осознал, как стало темно и сколько уже прошло времени, и когда он понял это, то вскочил и сломя голову бросился бежать, даже не попрощавшись.

Искать коров теперь все равно уже было слишком темно, и ему оставалось только надеяться, что они сами отправились домой и что он сможет нагнать их и сделать вид, что вроде привел их с собой. Он скажет дяде Эйбу, что две телки прорвали ограду и умотали с пастбища и что ему пришлось искать их, чтобы вернуть в стадо. Он скажет дяде Эйбу... он скажет... он скажет...

Джонни задыхался от бега, а сердце у него стучало так, что, казалось, сотрясало все его маленькое тело, и страх сидел в нем после всего того, что было раньше, после того, как он забыл сходить к роднику за водой, после того, как он потерял вчера двух телок, после того, как у него в кармане нашли спички...

Коров он не догнал. Они были уже в коровнике, и он понял, что они подоены, и что там, в кустах, он пробыл ужасно долго, и что все это куда хуже, чем ему представлялось.

По дорожке он поднялся к дому. От страха его трясло. На кухне горел свет, и он понял, что его ждут.

Когда он вошел в кухню, они сидели за столом, повернувшись к двери, и ждали его. Свет лампы падал на их лица, и лица эти были столь суровы, что походили на могильные камни.

Дядя Эйб возвышался, будто башня, голова его доходила до самого потолка, и видно было, как напряглись мускулы его рук, обнаженных закатанными рукавами рубахи.

Он потянулся к Джонни, и Джонни нырком ушел было в сторону, но сильные пальцы сомкнулись у него на шее, оплели горло, и дядя Эйб поднял его и встряхнул — молча и злобно.

— Я тебе покажу, — прошипел дядя Эйб сквозь зубы. — Я тебе покажу! Я тебе покажу...

Что-то упало на пол и покатилося в угол, оставляя за собой шлейф огня.

Дядя Эйб перестал трясти его и секунду-другую стоял совершенно неподвижно, держа мальчика в воздухе. Потом он бросил его на пол.

— Это у тебя из кармана, — сказал дядя Эйб. — Это чего же такое?

Джонни попятился, тряся головой.

Он ни за что не скажет им... Никогда! Что бы ни делал с ним дядя Эйб, он ни за что не скажет! Даже пусть его убивают...

Дядя Эйб остановил ногой катившийся камень, быстро накло-

нился и поднял его. Он принес камень к столу, положил под лампу и замороженно стал глядеть на игру огней.

Тетя Эм, приподнявшись со стула, так и подалась вперед, чтобы разглядеть получше, что же там такое.

— Господи ты боже мой, — прошептала она.

С минуту оба были недвижны и смотрели на драгоценность, глаза у них ярко блестели, тела были напряжены, и в тишине было слышно только их прерывистое дыхание. Наступи сейчас конец света, они бы этого не заметили.

Затем они оба выпрямились и посмотрели на Джонни, отвернувшись от камня, как если бы он их больше совсем не интересовал, как если бы камень должен был оказать на них какое-то влияние и вот выполнил свою задачу и теперь уже не имел ровно никакого значения.

— Ты, верно, проголодался, малыш, — сказала тетя Эм, обращаясь к Джонни. — Сейчас подогрею тебе ужин. Хочешь яичницу?

Джонни поперхнулся и мог только кивнуть.

Дядя Эйб уселся на стул, не обращая на камень ровно никакого внимания.

— Вот, значит, дело какое, — прогудел он. — Я тут на днях видел в лавке как раз такой ножик, какой тебе хотелось...

Джонни едва слышал его.

Он стоял, прислушиваясь к Дружелюбию и Любви, которые, казалось, тихоньки пели в стенах этого дома.

Перевод с английского Евгения КУБИЧЕВА

